

БОЛОТОВ С. С СЫР-ДАРЬИ

Не мало писано о Киргиз-кайсацкой степи и вообще о так называемой *Независимой Татарии*. В последнее время, когда мы от Ори дошли до Иргиза, а с него подвинулись к Сыр-Дарье и от устьев ее проникнул далее вверх, заведя на этой реке флотилию, нередко слышны были голоса, обращенные к правительству и передовому люду о том, чтобы скорее упрочены были при посредстве этого края давнишние торговые сношения ваши с среднеазиатскими ханствами и китайским «Туркестаном». Одна из газет так прониклась этим желанием, что прямо назвала всю Среднюю Азию *улусом России*. Помню я эти жаркие манифестации о настоятельной потребности тесного сближения с Востоком. Высказан был целый ряд надежд, предположений и проектов: сибирская Железная дорога, устройство виноделия в занятом нами течении Сыра, колонизация Киргизской степи, обещание, что река эта займет почетное место в числе наших водяных путей и будет передвигать огромное количество товаров и. т. д. Одна из статей на этот лад (№ 5 *Акционер*а 1862 г.) яркими красками обрисовывала будущность наших торговых сношений в Средней Азии и бралась покорить сопредельные нам ханства, Хиву, Кокан и Бухару путем *торгового завоевания*. Предрекая счастливую будущность сырдарьинскому побережью, коммерческие газеты наши заявляли, что как скоро таможенная линия перенесется от Оренбурга на Сыр — тотчас проснется эта, по выражению гг. Бюрно и Назарова, *Италия Востока*, начнется сплав леса с верховьев Сыра, и он разверзнет нам свои сокровища. Туркестан и [173] Ташкент действительно взяты, во не тем путем, как предрекали статьи коммерсантов. Одна из них прямо высказывала, что стоит только вашему флагу явиться в средней части Сыра, и туземцы непременно отворят вам ворота в свои города и крепости с распростертыми объятиями; мы видели, каковы были эти объятия!... Но так или иначе, оружие открыло, наконец, путь торговому завоеванию — пусть они спешат теперь на широкую арену среднеазиатских степей: мы же своей стороны весьма желали бы, по мере сил, содействовать его движению, передав что знаем о долине Сыра не понаслышке, а из сведений, собранных на месте. Прежде всего сделаем несколько замечаний на те многообразные предположения, какие высказывались относительно долины Сыра. Начнем с железной дороги. Довести ее до Аральского моря, без неопытных издержек, невозможно, да и свойства местности при рыхлой почве и песках представляют огромные затруднения для устройства полотна. О топливе и говорить нечего: его нет. Относительно виноделия заметим, что по занятому течению Сыра не растет и не рос никогда виноград в диком виде; по крайней мере не видно следов этого. Начали разводить его, для опыта, в небольшом размере, в фортах: № 1-го (Казала) и Перовском; но в последнем он не дает еще плодов, а в Казале вкус его походит на виноград Бельбека и Качи, близ Севастополя, растущий там в низминах и мало годный к виноделию: по этому нельзя ожидать, чтоб он способен был дать от 1 тысячи до 1 1/2 тысячи р. с. годового дохода с десятины, как это говорилось в некоторых статьях. Что касается до колонизации степи, то это такое дело, на успешный ход которого, по нашему мнению, почти невозможно рассчитывать. Сыр не благодатный Нил, оплодотворяющий Египет; он требует от земледельца *усиленного и огромного* труда для обработки самой укромной пашни. Колонизировать легко такой край, который дает подручные к тому средства, а что может дать долина Сыра? Песок и глину, мало пригодные к какому бы то ни было делу; лес доставляется сюда за две тысячи и более верст и по огромным ценам (бревно, сажени в три длиной и в отрубе 6-8 вершков,

обходится казне в 20-28 руб. сер.); домашние принадлежности нужно выписывать из России; готовых водопроводов нет; есть прорытые с [174] незапамятных времен каналы для орошения полей, но и их ежегодно нужно расчищать, а порой, при малой воде в Сыре, и оставлять, вырывая новые (притом эти каналы составляют родовую собственность известного отдела Киргизов, и отнимать у них эту собственность, приобретенную огромным трудом, было бы несправедливо). По свойству русла, способного так часто менять фарватер, Сыр-Дарья вряд ли, без капитальных гидравлических работ, вступит в число почетных водяных путей. Быстрое, прихотливое течение ее вод то и дело размывает берега, или наносит песчаные мели там, где недавно была глубина; да и вообще год от году замечается обмеление Сыра. Плавание по этой реке вверх крайне затруднительно, и она ее представляет даже хорошего бечевника; для примера скажу, что на расстоянии с небольшим ста верст от форта Перовского до Джулека, пароходы ваши ходили в один конец по полумесяцу а более. При таких условиях ее пойдет быстро торговое завоевание по реке, которая ежегодно почти на пять месяцев покрывается льдом, их плавание по которой в полую ли воду, во время ли таяния снегов на Тянь-Шане (что бывает два раза в год, в июне и сентябре месяцах), по спаде ли вод, одинаково неудобно по причине слишком быстрого течения. Пусть и Кокан подпадет, в большей или меньшей степени, зависимости от нас ¹ — во всяком случае не скоро на берегах Сыра возникнут корабельные верфи и не скоро воды его будут усеяны пароходами. Верфи можно устраивать там, где водоемы постоянно полны, а Джаман Дарья ² совершенно мелеет к [175] осени. Судостроение доступно лишь при обилии леса и легком сплаве его к месту переработки; а известно, что область Сыр-Дарья, кроме тала, джиды и полудревесных пород в роде *саксаула*, показывающегося около фортов № 2-го и Перовского, ничего не производит, да и лесная растительность Небесного Хребта, где берет начало эта река, выбегая из озера Иссык-Куль, заключается в пихте, черной березе (карагаач Кавказа) а некоторых породах клёна. Судостроение потребует смоляного и пенькового производств, да масс железа. Все это придется везти из внутренней России без путей сообщения.

Вопрос о перенесении таможенной линии на Сыр заслуживает подробного разбора. Более нежели когда-либо было писано об этом в 1862 и 1863 годах; предложение перенести на Сыр таможни чаще всего попадалось в *Акционере*. От этой меры ждали процветания края; уверяли, что вслед за нею потянутся в степь торговцы крупные, потом мелкие, появятся русские населения и проч. Мы возражали на это в *Северной Почте* за 1863 год, и указали затруднения, которые неизбежно должна встретить эта мера при своем осуществлении и которые, при тогдашнем положении дел, были огромны. Во-первых, где устроить таможни? Хотя сотрудники *Акционера* и решили учредить их при фортах: № 1-го и Перовском, но вероятно они не знали, что в этих местах караваны не переправляются, а переправляются в стороне от них: в районе форта № 1-го на урочищах: Учурго в 16, Муртук в 30, Майлибаш в 45, Чирик в 80 и Камэ-калган в 160 от него верстах. Караваны же следующие из Бухары и Ташкента в Троицк постоянно переправляются через Сыр при урочищах Уш-каюк, почти на меридиане Туркестана, и оттуда идут по реке Мын-Булак на озеро Телекуль-тата, оставляя далеко в стороне форт Перовский. Соответственно этому числу переправ, нужно учредить множество карантинно-таможенных застав, и едва ли станет на это тех пятидесяти тысяч, которые предлагали защитники торгового завоевания, видевшие в Средней Азии улус России. Да [176] положим, что мы и огородимся таможнями на Сыре, но кто, поручится, что караваны, имея на востоке пути в сибирские степи, не предпочтут этих путей? Тогда большая часть товаров будет переходить беспошлинно в степь оренбургского ведомства через руки сибирских Киргизов. На западе есть тоже пути чрез Устюрт: воспользуются ими; понадобится и там таможенный надзор. Далее,

если таможенная черта пойдет на Сыр, то вне ее останутся Куван и Яны-Дарьи, и легко может случиться, что на них образуются свободные рынки для среднеазиатских товаров, тем более что в последнее время усилилась пракочевка Киргизов на эти обе реки: а тут потребуются таможенные посты. Без сомнения, перенесение на Сыр таможен и размещение их в местах, более пригодных для торговых оборотов с Бухарой, должно усилит эти обороты чрез сокращение транзита, так как караванам не для чего будет забиваться за лишнюю тысячу верст в Оренбурге или Троицк; но это было бы важно в том случае, если бы с переносом таможенной линии, установилось на прочных началах распространение мануфактурных и других изделий наших, как в киргизских степях, так и далее на рынках Средней Азии, преимущественно же в первых. Между тем на деле этого трудно ожидать, ибо давно уже замечается сильный наплыв в Мавренагр изделий английской промышленности. По дешевизне и рисунку тканей, приуроченному ко вкусу Азиатцев, они находят верный сбыт в Бухаре, и оттуда расходятся по всей необозримой степи Киргизов. Для того чтобы мы могли конкурировать с Англичанами, необходимо, чтобы наши фабриканты начали делать ситцы, *бязь*, *цвету*, *падчею* и другие ткани, наиболее употребляемые туземцами, подделываясь под их национальный вкус, требующий больше пестроты в узорах и яркости в красках; нужно притом чтобы ткани были не лощенные, — их не любят Киргизы: было бы хоть и грубо, но прочно и дешево; Киргизам надобно, чтобы, по их выражению, *ситец грел тело*. Наконец, кроме громадных издержек, каких потребует перемещение таможен на Сыр, мера эта неминуемо возвысит в степи цену на бухарские произведения. Вот если бы с перенесением на Сыр таможен перенеслась туда частью и московская фабричная деятельность, тогда, конечно, дело сбыта наших товаров [177] в Среднюю Азию пошло бы вернее. Во всяком случае как нельзя более полезно было бы устроить ближе к местам сбыта места переработки сырых материалов, идущих к нам в таком множестве из Средней Азии. Это было бы первым рациональным и удобоисполнимым (о чем скажем ниже) шагом на пути цивилизации этого пустынного края: Затем можно было бы мечтать и о колонизации края, о судоходстве по Сыру и т. д.

Сделав общие замечания о долине Сыр-Дарьи, перейдем к главному вопросу и выскажем наше мнение о том, способен ли этот девственный край возродиться к деятельной промышленной жизни и при каких условиях. Отвечаем положительно: способен, хотя и не в таких размерах, как об этом писалось. Для оживления Сыр-Дарьинского края нужны только люди, которые, основавшись на точном знакомстве с краем, решились бы положить в него капитал (большого не нужно) и терпеливо ждать, пока зарытое или положенное возрастет и будет приносить плоды. Среди Киргизов труд возможен: Киргиз не Гиляк Амура, он смышлен и не прочь от дела, а при *терпеливом* (просим заметить это слово) внушении отчетливо исполнит все ему порученное.

Сделанные опыты переселения на Сыр оренбургских казаков не привели, как предполагалось, к ознакомлению Киргизов с нашими земледельческими орудиями и приемами при обработке полей. Казаки занялись другими, более легкими промыслами, каковы извозы и рыбная ловля; а поля, благодаря дешевизне задельной платы (10 к. в сутки с хлебом), возделываются руками Киргизов. При малочисленности русских поселков ³ этому и препятствовать не следует.

К сожалению, после первых лет, когда дело соглашения с Киргизами шло хорошо, стали не редко повторяться со стороны поселян захваты полей, отводы воды на пашни, неполные платежи. Киргизы начали отплачивать тем же, хотя и в меньшей мере; начальство с трудом умиротворяет эти споры. Впрочем, в солдатском поселке при

форте Перовском, основанном в 1862 году дело взаимного [178] соглашения с Киргизами идет хорошо и не изменит, по всему видно, данного ему направления. Относительно произведений края укажем, что вместо Мугуджарских сребристо-свинцовых руд ⁴ недавно доставшийся нам Каратау ⁵ представлять, может — быть, еще более обильные россыпи и месторождения металлов. ⁶ Явится и селитра, как можно полагать, судя по наружности некоторых местностей, пройденных нами до бывшей коканской крепости Яны-Кургна, особенно в урочище Сор-Кудук. ⁷ Хлопчатник и марена произрастают здесь, и до переполоха Кенисары-Касымова на Явы — Дарье были большие плантации того и другого. Оба произрастания не уступают в качестве бухарским. Недавно, с наступлением хлопчатного кризиса, Киргизы начали возобновлять эти плантации, и полученные от них образцы хлопчатой бумага и марены представлены были управлявшему оренбургским краем, генерал-адъютанту Безаку. Найдется ревень, рициновое растение, обилие солодкового корня, дикого цикория; есть, кроме марены, и другие красильные и дубильные вещества. Г. Северцов вывез отсюда *Assa fetida*, много дикого льна и конопли (киндыр) с весьма крепкими волокнами. Руно здешнее мягко и шелковисто, шелк под руками; тутовые деревья разведены уже в форте Перовском; могут расти грецкий орех, кукуруза, картофель, капуста, огурцы и всевозможные овощи. Плохой урожай ячменя сам-*двадцать* и сеют его два раза в год если первый посев посетит саранча, каждогодний бич Киргизской степи, или же затопит [179] полноводье Сыра, Киргиз об этом не загорюет, терпеливо выждет конца августа и в октябре снимает новый ячмень и новое просо. Кормовыми травами степь не богата, осока и молодой камыш заменяют сено; но за то родится *джемушка*, что-то среднее между клевером и тимофеевкой травой. Семена джемушки вывозятся Киргизами из Бухары, и ею можно засеять огромные поля, которые обсеменять приходится только через три года. Ягод нет, есть что-то среднее между костяникою и ежевикой; грибов нет тоже. Пшеницу стали разводить недавно; хлеб из нее весьма вкусен, хотя и не имеет надлежащей белизны: он несколько синеват. (В прежнее время пшеничная мука выписывалась для лазаретов из Оренбурга, и пуд ее обходился с доставкой 6 и 7 руб. сер.; но года четыре назад прекратили эту дорогую выписку и стали употреблять муку бухарскую, из которой выпекается хороший хлеб, скоро, впрочем, черствеющий, в предотвращение чего его нужно ставить на холодной опаре).

Зверя на Сыре много, от тигра и кабана до тушканчика; нет медведей, но есть волк, лисица, хорь, различные породы диких коз до кабарги. Огромные стада *куланов* (дикая лошадь), снуют по степи, мясо их употребляется Киргизами в пищу, а из шкур выделяется чрезвычайно мягкая и добротная замша. ⁸ Верблюды — домашнее Животное, на зиму его зашивают в *кошму* (войлок). Яшаков (ослов) множество. Киргизская лошадь небольшого роста, во неутомима в езде и скоро приучается ходить в упряжке.

Из птиц водятся здесь: орлы, лебеди, Журавли, гагары, различные породы уток, белые куропатки, кулики, фазанов бесчисленно; певчих птиц нет; есть еще зеленые галки, совы, много мелкой пташки (и в семье ее *ремез*, гнездо коего, похожее на кувшин, чрезвычайно ценится Киргизами, приписывающими ему целебные свойства). Богата Сыр-Дарья и рыбою; в вей ловятся осетр, шип, чудовищные сомы; щук и раков нет; особенно много ловится карпии, лещей, карасей и др. — в озерах, образуемых разливами этой реки. До нашего прихода не было в степи индеек, гусей, кур и голубей, теперь всего этого достаточно и на первое обзаведение было выписано из Оренбурга и Орска при покойном графе В. А. Перовском». [180]

В долине Сыра водятся и змеи, но они не ядовиты а встречаются большею частью по реке. Ужей почти нет или очень мало. Из опасных насекомых водятся во множестве фаланга, тарантул, скорпион. Укушение их лечат следующим образом: ловят одно из названных насекомых и опускают в склянку с деревянным маслом. Умирая, насекомое выпускает в масло яд. Почувяв укушене, которое сейчас же дает себя знать невыносимым зудом и жжением, мажут этим маслом ужаленное место и боль унимается. Тарантул, скорпион или фаланга остаются в склянке, пока не израсходуется все масло.

Таковы произведения здешнего края, который, по нашему мнению, прежде всего нуждается в фабриках и заводах. Но спросят: из чего возвести здания, где взять лее, топливо и камень?

На это ответим, что здания можно возвести из той же глины, песка и воды, из которых здесь все строится; Желательно, чтобы кирпич, как жженный, так и сырец в дело не вводился, а был заменен, например, бетоном, по методе французского инженера Куавье, ибо здешний кирпич, как бы ни был хорошо выжжен, так изменяется, что печи требуют почти ежегодной переделки. Известь добывается на *Кос-Арале*, но слабая; по всей вероятности, Каратау даст хороший известковый камень. На крыши здесь кладут тонкие камышовые *маты*, их кладут по две, заливают и обмазывают раствором из глины, и это дает дешевую, несгораемую и непромокаемую крышу. Толь здесь ее пробован; но железо, при жгучих лучах солнца, скоро выгорает, и его каждый год нужно красить. На стропилы и балки можно с разрешения правительства вывозить лес из Наурзумского бора, что на Тургае (близь Оренбургского укрепления), но лес можно заменить Железом, как то и было уже проектировано; на перекладыны же пойдет удобно и местный лес, какой растет от форта Перовский и далее вверх по Сыру.

Пока есть саксаул — топливо будет; Киргизы с подряда доставят его на место по 16 коп. за пуд; колючки (тоже что *щетка* на Амуре) изобильно; не вдалеке Туркестана, при укреплении Чулак, найден в 1863 году каменный уголь хорошего качества; вероятно копи его теперь обследованы.

Переработка на Сыре сырых материалов приносила бы [181] краю пользу уже тем, что не одну сотню киргизских рук заняла бы делом. Народ этот очень переимчив и усидчив в работе, а из женского его пола можно образовать прекрасных пряж, мотальщиц шелка, ткачих и швей. И теперь игла в руках терпеливой Киргизки делает удивительные вещи.

Киргизы охотно нанимаются в услуги, и из них выходят славные работники; потому нет надобности привлекать в степь русскую просторабочую силу. Лишь прикащиков и мастеров необходимо законтрактовать в России, конечно, с осмотрительностью и преимущественно семейных. В подсобники прикащикам легко набрать Киргизских малолетков и даже взрослых, при ручательстве за них родовых биев; переводчиков дадут школы устроенные для детей туземцев, при фортах № 1 и Перовском, Наиболее удобств для устройства фабрик и заводов представляют ее совсем безлесные и сравнительно с другими более обитаемые местности в центре Туркестанской области при последнем из названных фортов или при укреплении Джулек. Тут сильнее растительность, есть лужайки с хорошою травой и обильные поросли саксаула.

Желающим заняться на Сыре земледелием, благодарным и теперь промыслом, следует запастись земледельческими орудиями: легкими плугами, молотилкой, веялкой, пожалуй и сенокосными машинами; во всего нужнее здесь водоподъемные машины для орошения полей; киргизские *чигири* хотя и просты устройством, но требуют много

усилий для выкачивания и провода воды. Рабочий скот необходимо приобретать на Сыре, так как русский дурно выдерживает здешний климат, что видим на лошадях уральских казаков: редкий из них возвращается домой на *своем* коне. За обработку полей охотно возьмутся те же Киргизы, и в плату он пойдет ими же обработанный хлеб. Киргизский край не имеет мельниц, да и в занятых нами пунктах их мало, а в форте Перовском всего одна. Было предположено устроить плавучие мельницы, на манер употребляемых по Кубани, или земляные, как у колонистов Новороссийского края, ибо ветряные часто подвергаются здесь порче от свирепых буравов; не знаем, на чем остановился этот проект. Сеять здесь рожь, гречу не пробовали, но нет сомнения, что посев был бы [182] удачен. Выгодным здесь замятием были бы и табачные плантации.

Распространение на Сыре земледелия, а при нем фабричной и заводской промышленности, пресекло бы частые сношения наших Киргизов с среднеазиатскими ханствами, куда, особенно в Хиву, они ездят за хлебом. Фанатизм тамошнего духовенства не упускаете случаев к разочаровыванию наших степняков в выгодах теперешнего их положения. "Если вы, говорят им муллы, и пользуетесь, под властью Русских, материальными благами в здешней жизни, за то теряете для себя и ваших детей вечное блаженство; у вас нет мечети, где бы могли вы помолиться о своих грехах, нет мулл, которые научали бы детей ваших религии; русские кяфиры, зная превосходство ислама над их верою, нарочно не дают вам мулл и не строят вам мечетей". Подобные речи подрывают наше влияние, а потому уменьшение сношений Киргизов с среднеазиатцами было бы делом для нас полезным.

Нельзя ли облесить долины Сыр-Дарьи? Напомним, что покойный Старжинский, известный сельский хозяин в юго-западном крае, облесил свои огромные имения в Херсонской губернии, а там грунт не более для того удобен, как и сыр-дарьинский.

Пчеловодства и пчел на Сыре нет, но нам кажется, что оно могло бы там развиваться, на пространстве от форта Перовского до Джулека, где пчела может брать соты с пахучих цветов джиды.

Обратимся теперь к очерку быта туземцам и обрисуем, как сумеем, их нравы и обычаи.

Киргизы делятся вообще на роды (руу), роды — на участки или отделения (аймаки); каждым родом и отделением управляют *бии* утверждаемые в этих должностях правительственной властью, но на выбором начале. Бии остаются в своих должностях большею частью пожизненно и сменяются или по общим жалобам на лишение, сверх установленных, поборы, или по другим, нигде не терпимым проступкам; но такие жалобы поступают редко.

Сыр-дарьинские Киргизы делят себя на 32 рода; многолюднейшие из них: *Джапасс*, *Кипчак*, *Чумекей*, *Табын*, *Аргын* и др. Во всех родах, по статистическому отчету на 1863 год, считалось до 22 тысяч, если не более, кибиток... [183]

Кроме упомянутых родовых и участковых биев, есть в киргизском народе бии почетные, стяжавшие этот титул благодаря богатству, сильным связям, влиянию на свой род или аймак, а иногда также заслугам правительству. У Киргизов есть еще султаны, производящие себя как потомки Темучина, Чингиза и других бичей Востока, от белой кости; все другое, по местному сказанию, смешано с потомством Исава, внесшего будто бы, чрез народившихся от него Исмаилитов, в род людской другую кость — *кость черную*.

Низший класс составляют так-называемые там *Игенчи*. Последние по преимуществу землепашцы и как бы рабы других двух сословий, биев и простых Киргизов. Составляя самый бедный класс народа, они по неволе подчиняются двум другим.

Рабовладельчества у Киргизов нет, и от прежних времен не сохранилось о том преданий; потому можно предположить, что Игенчи суть потомки ясырей, пленников (захваченных в пору дикого разгула Киргизов), поженившихся на Киргизках и принявших ислам. Но с другой стороны, есть основание думать, что Игенчи образовались в киргизской среде от обычая, бывшего и у нас на Руси, отдавать себя в кабалу; обычай этот держится у Киргизов и донныне. Разорился кто вследствие баранты, повальной болезни скота, взноса калыма и т. и., — идет он к богатому однородцу и закабалает ему не только себя, во и всю свою семью, все что имеет, лишь бы выпутаться из беды. Нельзя сказать, чтоб Игенчи были особенно бедны. У него бывает 7-8 коров с приплодом, 6-7 и более кобылиц, 2-3 пары рабочих быков, два-три десятка овец; все это — состояние для Киргиза, умеющего обходиться немногим.

Хотя влияние биев на народ и передается из рода в род, однако замечательно, что у Киргизов нет фамильных имен, которые, переходя от отца к сыну, внуку и т. д. оставались бы в данном роде. Киргизы прибавляют к своему имени только имя отца; например, дед звал себя Фейзуллою Якуповым, сын этого Фейзуллы, Сасыкбай известен как Сасыкбай Фейзулов, внук Фейзуллы, Токбан зовет себя не Фейзулловым, а Сасыкбаевым и т. д. Таким образом прозвище родоначальника чрез несколько поколений утрачивается или сохраняется [184] как темное предание в потомстве. Впрочем, потомки Фейзуллы, сохраняя воспоминание, что предок когда-то жил или соаульничал с таким-то бием или султаном, всюду следуют за потомками последнего, считая себя их союзниками, хотя и имеют право во всякое время, и почему бы то ни было, прервать этот союз без опасения преследований или мести бывшего патрона. Такого рода отношения и заключают в себе начало того дробления, какое встречаем в киргизском луде.

Мать в киргизском семействе пользуется полною властью в доме и до самой смерти уважением и покорностью детей. На ней лежит все хозяйство кибитки. Отцу не всегда бывает время приласкать детей. Звериная и рыбная ловля, езда в гости из аула в аул с целью упитаться кумысом и бараниной, странствования в Оренбург, Троицк, Хиву, Ташкент, Туркестан и Бухару, преимущественно в составе купеческих караванов, нередко на долгое время отрывают его от семьи. При всем том Киргиз чадолобив. Из добытой за извоз копейки он ничего не истратит на свои прихоти, а непременно купит все необходимое семье и какие-нибудь подарки. Лучшею радостью для Киргиза бывает рождение дочери, и эта радость основана на расчете получить за нее калым и войти чрез замужество ее в связь с более влиятельными и зажиточными соотчичами. Сын с шестнадцатилетнего возраста как бы отделяется от семьи, приискивая сам себе средства к жизни а заботясь о том как бы скорее завестись женой. Много киргизских мальчиков служит на Сыре у наших торговцев.

Соаульники живут вообще согласно и делятся между собою небольшими своими доставками, отчего в степи не встречается *торбанников* (нищих), хотя, как и везде, есть *байгуши* (бедные). Случится ли в ауле пропажа, повадится ли посещать кочевье *джултас* (тигр),⁹ а его [185] посещения обходятся недешево, отобьется ли во время буранов скотина, все смежные аулы соединяются мгновенно для отыскания пропавшего и предотвращения опасности на будущее время, и цель свою преследуют энергически. Иногда пропажа не отыщется; проходит год, другой, третий, но Киргизы не позабудут, все-таки доследят вора, и тогда начинается расправа, кончающаяся

обыкновенно присуждением возвратить украденное вдвое. Более важные преступления отдаются на суд биев, чрез них дело восходит на решение заведующего сыр-дарьинскими Киргизами и его помощников (их у него два, старший и младший, и оба состоят на коронной службе). Но если дело носит характер уголовный, то представляется на решение главному в крае начальнику; подобных дел, сколько помнится, за четыре года службы моей на Сыре, было немного, и из них замечательны два. При форте № 1-го судились две молоденькие Киргизки за умерщвление своих мужей. Один случай возбужден был ревностью, другой желанием избавиться от старого ревнивца и соединиться с юношей, прежде избранным сердцем преступницы.

Крупные распри между отделениями и родами Киргизов возбуждаются по преимуществу барантою и захватом *арыков* (ирригационные каналы). Баранта — набег шайки на известный аул, совершающийся всегда под каким-нибудь предлогом и сопровождаемый полным грабежом, нередко с захватом людей для перепродажи их куда-нибудь подальше, к сибирским Дикокаменным Киргизам (Буруты), или в соседние ханства. Из ханств эти несчастные сбываются еще далее, так что случалось видеть Киргизов возвратившихся таким образом из Самарканда, Кабула, Афганистана и т. под. Набеги эти совершаются быстро и никогда не остаются без погони, при которой барантовщики обыкновенно бросают, если не всю, то непременно часть добычи. Обиженные в свою очередь, мстят обидчикам, тем же, те опять, и выходит баранта нескончаемая. Многолетними стараниями заведовавшего сыр-дарьинскими Киргизами покойного коллежского советника О. Я. Осмоловского,¹⁰ обычай барантования был почти искоренен между Киргизами, им же были покончены все дела по *канле* (месть за кровь), [186] причем *кун* (плата за кровь) уплачивался с значительными уступками и полным навсегда примирением враждовавших. Скажем здесь кстати, что в последнее время сибирские Киргизы стали прорываться в сыр-дарьинские области и грабить наших степняков. Набеги эта возбуждаются преступниками из наших Киргизов, успевшими убежать в Сибирь и служащими Сибирцам проводниками в более богатые кочевья Сыр-Дарьинцев. К этому хотя присоединялись еще набеги коканских Киргизов на ваши аулы, расположенные между Джулеком и фортом Перовским, но они отмщались такими же вторжениями к ним самим, для чего и составлялись у нас киргизские отряды. После набега хорунжего Нияза Мухаммедова, в начале 1863 года, Коканцы поутихли. В мое время было мало споров за арыки, и они решались посредниками. Один спор вызвал драку, но дрались не оружием, а палками.

Киргиз не прихотлив, немного нужно ему для существования. *Была бы маржа и лаша*,¹¹ говорит он, и *все будет*. При перекочевке, если нет верблюдов, имущество Киргиза навьючивается на быка, ишака, корову, хотя бы острова была дойная или стельная, даже на теленка; малолетних детей укладывают в корзины и также вьючат на животных. Отец и старшие сыновья едут верхом; мать и более взрослые дети идут пешком и ведут навьюченный скот. Так передвигается киргизский караван с пастбища на пастбище. Приближается вечер, и где-нибудь на лужайке караван останавливается, дети бегут собирать топливо (состоящее здесь из скотского помета), раскидывается шатер, укрепляется треножник с котлом, приветливо запыхав огонь и вокруг него расселась вся семья, в ожидании ужина... Вот и ночь раскидывает свой полог.

Сыр-Дарьинские ночи не то что ночи Кавказа, ночи юга; но это и не наши русские ночи с золотыми звездами на темно-синем фоне. Ни облачка в небе, светлою бирюзой подернуто оно, едва рассмотришь млечный путь, кой-где мерцают звездочки, ни травка, ни листок не шелохнутся. И спит покойно под этим небом утомленный дневным трудом Киргиз, не заботясь, что вблизи его мяучит тигр, рыскает голодный волк; не

разбудят его раскаты волн [187] Сыра, подмывающего свои берега, и ее чувствует он, как постепенно, к рассвету, разливается в воздухе холод.

Кухня Киргиза не прихотлива. Мука, затертая на масле (а нет его, на курдючем сале, пожалуй даже без него), с примесью соли, лука и чесноку, разрезывается на куски и бросается в кипяток. В минуту готовы киргизские галушки. Если есть какое-нибудь мясо, оно варится в том же котле. За тем подают квашеное молоко, а в течение дня кумыс, чай, арбузы и дыни. Последние сохраняются круглый год и мало утрачивают свой вкус. В каждой кибитке вы всегда найдете какие-нибудь сласти: кишмиш, обваленные в муке с сахаром орехи, кедровые орехи, халву и т. и. К вечеру та же *салма*, к которой подают горячие лепешки, обмазанные бараньим жиром, а иногда готовят к ужину просяную кашу, похожую на малороссийский кулиш. Конину и говядину разрезают на довольно крупные ломти, без костей; ломти эта слегка просаливают в соляном растворе, потом нанизывают на шнур и завяливают. Точно также готовят рыбу, которая в зимнее время составляет единственную пищу бедняков. Киргизам знакомо приготовление *каймака*; он у них напоминает смесь кислого молока с молодой жидкою сметаной. Пьют его мешая с водой, преимущественно в жары, как это делают и на Кавказе. *Крут* — род засушенных лепешек на овечьем молоке, с небольшою примесью коровьего; вкуса он чрезвычайно острого и имеет целебное свойство, предохраняет от цинги. В 1861 году, когда в команде Башкир, строивших Джулек, открылась эта болезнь, ее пресекли употреблением крута. Он идет во всякое варево, Киргизы готовят его в кипяченом молоке, приправляют им также просяную кашу.

Основа кибитки Киргиза состоит из тонких жердин, аршина в два длиной (жердины окрашены обыкновенно темно-красною краской и вывозятся из ханств и Сибири). Остов окутывают в куски полости, черно-бурого цвета, обматывают тесьмой и шерстяною веревкой, и кибитка готова. Изнутри нижнюю решетку обставляют матою из чии, ¹² пол устилают кошмами и коврами, по середине [188] устраивают *мангал*, на котором раскладывают огонь для варки пищи и нагревания кибитки. На верхушке кибитки из жердин устраивается род купола с небольшим отверстием для дыма; когда нет топки, отверстие это закрывается.

Тепло в ней держится довольно прочно. Дверь составляет двойной кусок той же кошмы. По краям кибитки расставляются небольшие сундуки яркого красного цвета, обитые железом, ¹³ в которых хранится платье и иное имущество; на них накладывают подушки, прикрывая последние одеялами и коврами. При самом входе вы увидите домашнюю утварь — медный или железный таз, такие же кувшины, чугунные котлы, кадочки и кановки для молока и кумыса, мешки с мукой и пшеном. У богатых и кибиток более, и более в них добра; даже внутреннее убранство доходит почти до роскоши: ковры дорогие, и кошма внутри закрыта чехлом из довольно ценного тика. Но во всех кибитках сиденье одинаковое — поджав ноги, и везде один и тот же круглый стол на низеньких ножках. Эти кибитки, однако, не дешевы: самая простенькая, без чии, стоит на месте 20-25 руб. сер. Кроме кибиток, есть у Киргизов другой вид жилья — *джаламейки*. Это коническая из кошмы же палатка; несколько жердей вверху связаны так, чтобы внизу могли раздвигаться и удерживать на себе покрывку, которою их окутывают. *Джаламейки* — удел игенчей и байгушей; у богатых они раскидываются для челядинцев.

Брак у Киргизов совершается рано; в 13-14 лет молоденькая Киргизка делается *маржей* (замужнею женщиной) в 25-30 она почти уже старуха; черты лица,

нередко привлекательные в молодой степнячке, грубеют; глаза если блестят, то каким-то недружелюбным блеском. Киргизка в эту пору успела растолстеть, прежнюю грациозную походку сменила увалистая, напоминающая походку утки, и вдобавок ко всему, вас оттолкнет от всякой маржи ее безобразный головной убор. Многоженство встречается, но [189] лишь у Киргизов зажиточных. Раз, приглашенный к одному богатому бию, я спросил его, зачем он, имея две жены, из которых одна и молода, и недурна собой, взял третью и такую еще красавицу? "Бой, бой, тюря"¹⁴ старой марже скучно одной ночевать под Троицком, да и не управиться ей одной с хозяйством; то я и послал с ней вторую мою маржу, а как сам без нее соскучился, то взял себе третью, ведь все равно, в мой же род пойдет, "¹⁵ сказал он улыбаясь.

Народные киргизские увеселения заключаются в скачках, в которых принимают участие и пожилые люди, в борьбе, в беганье в запуски. Плясок и танцев киргизских не увидишь, потому, что их нет, а есть что-то в роде молдавского *джока*: стояние парами в кружке, топанье ногами на одном месте и битье в ладоши.

В сентябре 1861 года посетил Сыр-Дарьинскую линию главный начальник Оренбургского края, и ему угодно было угостить почетных Киргизов обедом по их обычаю. В благодарность за то они потешали именитого гостя играми. Скаковое состязание было тройкое, на верблюдах, на быках и на лошадях. Прибежавшие первыми к флагу получали призы, состоявшие из халатов, кусков суков и шелковых материй. Скачка на верблюдах — вещь виданная, но на быках — нечто оригинальное, свойственное только Киргизам. Потом все Киргизы разделились на две части и составили две стенки; выступили борцы, сбросили халаты, схватились за пояса и давай барахтаться, живо напоминая стихи Дмитриева:

То сей, то оный на бок гнется,

Крутятся.....

наконец один поборол и с его стороны посыпались в другую платки в награду поборовшему.

После обеда началось *куп-бюре*. Выехало на лучших лошадях и аргамаках почти все ликовавшее общество, [190] стало в кружок, на середину выкинули только-что зарезанного козла; один подхватывает его и мчится с этою ношей во всю прыть по необъятной степи; все за ним гонятся, стараясь отнять козла; тот увертывается, делает различные вольты, мчится вдаль; наконец, видя что козла не увести, бросает его и отъезжает к зрителям. Козел подхватывается другим, и ристалище кончается тем, что кто-нибудь, после долгой гоньбы за козлом, первый прискачет на место праздника: тому козел и достается. Эта воинская игра очень занимательна, но утомительна как для лошадей, так и для всадников. Ни одно *куп-бюре* не обходится без ушибов и калечений. Я видал эту же игру у кавказских горцев, там она живее, а потому и опаснее. Черкес ловчее и поворотливее нашего халатника-Киргиза.

Песни Киргизов почти все сбиваются на один мотив и однообразны, как их природа, во в них много мелодии, заунывности, напоминающей несколько песню срединной России и Малороссии. Напев ровный, чистый, симпатичный, и, в нашем мнении, песнь Киргиза стоит гораздо выше песни Черкеса, где слышны резкие гортанные ноты и где выражение тоски или раздумья нередко переходит в какой-то волчий вой.

Музыка Киргизов незатейлива: балалайка, что-то в роде скрипки и *толумбас*. Вместо струн, на первых двух натянут конский волос; игра на балалайке напоминает игру на

гитаре. Толумбас — род литавр в грубом их виде. Есть еще один инструмент, похожий на торбан, и в руках искусного игрока можно с удовольствием слушать его звуки.

О преданиях Киргизов почти нечего сказать: они не восходят до отдаленных времен и не содержат в себе ничего исторического; впрочем Киргизы помнят, как чрез их территорию, в начале царствования Екатерины II, шли Калмыки в Китай. Дальше не простираются их сказания. Займут вас рассказами о своих батырях, и все тут... Подвиги последних сохраняются и в народных песнях.

Учение Магомета не слишком привилось в степи. *Намаз* совершается только два раза, а не пять раз, как назначено для суннитов, ¹⁶ *джумма*, праздники Байрама, две, три [191] молитвы, вот все чем ограничивается круг благочестия самого богомольного Киргиза. Об утехах эдема и муках ада понятия Киргизов темны. Хотя у них есть свое духовенство, но оно чрезвычайно малочисленно, и понятия его об исламе не слишком развиты, так как всю ученость свою эти муллы выносят из недолгого пребывания, в молодых годах, в Хиве, Бухаре, а чаще в Туркестане при мечети *Азрет-султана*.

Киргизы вообще среднего роста, мускулисты и широкоплечи, цвет лица их смугло-оливковый, глаза хотя и не в прямой линии, но ее так узки, как у Калмыков, нос сплюснутый, борода небольшая и редкая. Они вообще пользуются хорошим здоровьем и живут долго.

Сыр-дарьинская степь на том протяжении, как мы ее знаем, хранит только два остатка древности. В восемнадцати верстах от Джулека по дороге к Яны-кургану находятся, развалины крепости *Токбура* и по той же дороге при урочище *Тюмен-Арык* следы какого-то городища. Токбура вся построена из жженого кирпича (7 вершков в квадрате длиной и до 1 1/2 вершка толщиной). Кирпичные плиты чрезвычайно плотны и все красного цвета; часть зданий совершенно сохранилась, а в одном из них живет аскет из Киргизов. Почти на каждом кладбище живут подобные отшельники. Из разрушившихся зданий мы брали кирпич на полы в лазарет а на дом воинского начальника укрепления Джулек. Как ни старались мы дознать, какому времени и какому народу принадлежит сооружение этой крепости, Киргизы не могли нам ничего объяснить. "Давно, очень давно", был их ответ. О городище при Тюмен-Арыке мы также ничего не узнали, хотя и долго добивались каких-либо о нем сведений. Есть еще замечательное по величине своей кладбище на урочище Хорхут, близ форта № 2; Киргизы не признают его своим, а относят к Калмыкам, зимовавшим будто бы на этом месте по выходе из России.

Одежда Киргиза состоит из бешмета и халата. Смотря по погоде надеваются два, а иногда и три халата; нижние халаты запускаются в широкие замшевые штаны, подпоясывающиеся кушаком. Обувь — сафьянные или бараньи мешты, род русских *котов*, и сапоги на высоких подборах с носками, загнутыми кверху крючком; головной убор — [192] тубетейка (ермолка) и шапка с меховым (но не бараньим) околышем, всегда остроконечная; во время выюги носят *малахаи*, летом шляпы своего изделия. Женский убор был бы хорош, если бы не безобразила его какая-то, вроде каланчи, навивка на голове из белого миткаля; одежда Женщины состоит из шльвар, ахалука и пояса с огромными бляхами; на шее ожерелья, на руках множество перстней и колец, непременно медных. В перстнях попадаются иногда хорошие камни. Обувь — башмаки и сапоги. Девушки ходят с открытою головой, разделяя косу на мелкие косички и вплетая в них ленты. Выходя куда-нибудь, набрасывают халат. Воротник и перед рубашки всегда вышиты бумагой или обшиты цветным шнурком. Старухи носят еще что-то в роде блузы, но без лифа, всегда темно-синего или черного цвета.

Свадьбы у Киргизов не отличаются шумным весельем. По совершении обряда, во время которого невеста покрыта фатой, молодых разлучают. Для свадебного вечера соединяют в ряд несколько кибиток, образуя таким образом длинную анфиладу комнат. В передних палатках усаживаются девушки и замужние, между ими новобрачная на возвышении из подушек и без фаты; молодого не пускают туда, и дружки стерегут его в особой кибитке. Мужчины садятся немного отступя от женщин. Девушки поют песни; когда они кончат, избранный наперед мужчина начинает импровизировать; если импровизация хороша, ее выслушивают до конца и после аплодируют; если же импровизатор нагородил чушь, другой его прерывает, а он удаляется на свое место. Киргизы мастера на импровизации. После первого акта разносят разные сласти и чай. Мужчины уходят тогда в особую кибитку выпить кумыса, а кто и *раки*.¹⁷ Потом опять следуют песни и импровизации вперемежку с музыкой, если она есть, и так тянется время до ужина; а молодой все под караулом и только слышит как импровизаторы восхваляют качества его и его новобрачной. Расходятся почти утром; тогда только освобождают молодого для цепей Гименея.

Есть естественные причины, почему Киргиз живет в войлочных кибитках и перекочевывает с места на место. [193]

Войлок охраняет его от тарантула, фаланги и скорпиона, во множестве здесь водящихся (известно, что овца первый враг этих насекомых); недостаток лугов для пастбы скота заставляет передвигаться с кочевки на кочевку. Кибитка всюду за ним следует; да и из чего стал бы он строить дома, когда нет леса? Кроме того *паут* и *комар* заставляют сыр-дарьинских Киргизов удаляться на лето к Троицку и в северные окраины Каракума. Не буду описывать тех мучений, которые причиняют эти насекомые: они подробно описаны в записках "Амурского Хлебопашца"; скажу только, что днем сильный солнечный зной и пауты заставляют каждого сидеть дома и держать скот в темном сарае; вечером же без опухала из хвоста коровьего или лошадиного нельзя и носа показать на воздух — комары заедят, а отворяя окно, нужно тотчас же вставлять в его раму сетку из частой кисеи. Рабочий скот мы защищали от паутов тем, что намазывали его чистым дегтем и покрывали холщевой попоной, тем же дегтем пропитанною. Укушение паута производит сильную боль, не скоро проходящую; делается опухоль вроде шишки, которую жжет и рвет. Хорошо что на Сыре пауты царят не долго: появятся в половине мая, а к концу июля исчезают, за то и дают же они знать себя! Комары держатся до холодов.

Киргиз смышлен. Он понемногу все: плотник и кузнец, огородник и пахарь, скотовод и коновал; инструменты и снаряды его бесхитростны, но удовлетворяют своему назначению. Сам дошел он до всего что было необходимо для его быта, а если не улучшил этого быта, то, я думаю, оттого, что не имел пред глазами примеров улучшения, да мало в них и нуждался. Был бы он сыт с своею семьей — ему ничего больше не нужно, будет он тогда день и ночь оставаться в своей кибитке, попивать чай, да покуривать трубку.

Киргизы удивительные вожаки: в темную ли осеннюю ночь, в снежную ли вьюгу, он ее собьется с известной ему тропинки; дорог здесь нет, а между тем случаи заблудившихся очень редки. Они отличные пловцы, через Сыр переправляются и плавают на камышовых плотках (сал); есть у них и лодки, что-то вроде больших корыт, немного закругленных, с совершенно плоским дном. [194]

Лодки эти набираются из небольших дощечек, скрепляемых деревянными гвоздями.

Характер Киргиза очень покоеен — не затрагивай его, он и не подумал бы о баранте. В гневе он умерен, груб он только от недостатка образования; в нем и в его *аман*¹⁸ ясно слышится добрый человек. В семье он не тиран, с животными очень кроток.

Киргиз верен принятому обязательству. У нас из них исправные почтари, всегда в срок доставляющие корреспонденции и посылки.¹⁹ При постройке Джулека киргизскому отряду мы вверяли передовые посты. Купеческие агенты, отправляясь в Хиву или Бухару, охотно вверяют себя охране. Киргизов, и те лучше лишатся своего чем посягнут на что-нибудь принадлежащее лицу, которое сопровождают. Оренбургские купцы Деевы, Путоловы, торговцы сыр-дарьинские отдают Киргизам беречь и пасти стада овец, которые у них же покупают, и угонов почти не бывало. Нет у Киргиза семян на посев, он занимает их с обещанием отдать половину урожая — и отдает непременно.

Киргизы не чуждаются образования и охотно отдавали детей своих в школу устроенную для них в форте Перовском; еще только была возведены стены ее, а уж 25 мальчиков (комплект школы) готовы были учиться. Это не то что у Черкесов, для детей которых устроена была школа в Новороссийске:²⁰ как ни хлопотал покойный адмирал Л. М. Серебряков, до комплекта довести школу не удавалось; мальчик поживет в вей месяц — и в горы. "Не скучаешь ли ты по своим?" спросил я у одного Киргизенка-воспитанника. "Чего скучать! Отец кочует теперь под [195] Троицком, к осени сюда вернется, и тогда всех увижу, "был ответ.

Еще до взятия Ташкента Киргизы сами по себе начали строить дома. От станицы Орской до Карабутака я видел, в конце 1863 г., много вновь выстроенных хороших домиков; к форту *Перовскому* тоже стали пристраиваться Киргизы.

Киргиз послушен начальству и понял выгоды быть русским подданным; многие из Киргизов успели уже кровью запечатлеть свою вам преданность. Будьте в отношениях к ним точны, справедливы, верны в слове, и вы найдете в них верных и надежных слуг, готовых перенять все полезное и доброе.

С. БОЛОТОВ.

Комментарии

1. Овладевать Коканом было бы, по вашему мнению, лишнею обузой. Благодаря энергической деятельности генерала Черняева, Кокан теперь ослаблен и едва ли сам собою не распадется, попав под власть Бухары, чего она добивается уже несколько лет. Но думаем, что положение наше у окраин Мавренагра требует прочного присвоения Ташкента, как перепутного пункта вашей торговли с Среднею Азией и китайским Туркестаном, и как пункта соединительного для границ наших на Сыр-Дарье с западною Сибирью.

2. Невдалеке от форта Перовский Сыр-Дарья разделяется на два рукава: Караузьяк и Джаман-Дарью. При глубоком камыше и быстром течении, плавание по первому, особенно вверх, почти невозможно. Расчистка русла в нем едва ли исполнима, хотя к ней и приступали. Унося с собою большую часть вод Сыр-Дарьи, он делает Джаман-Дарью мелководною, почему и решено было спустить его в последнюю, что будет полезно для вашего судоходства. У Карманчей (форт № 2) оба рукава сливаются. Назад лет 30-40 Караузьяк образовался из ирригационной канавы.

3. Казачьи поселки устроены: при Карабутате на Ори, при Уральском укреплении на Иргызе, при форте № 1-го на Сыр-Дарье. Значительнее всех последний [поселок в нем до] 80 семей. При форте Перовском Александровский из 20 солдатских семейств.

4. Ст. А. Сафронова, *Северная Пчелка* окт. 1859 г.

5. В Кара-Тау (черные горы), при рекогносцировке части этого хребта генерального штаба подполковником Л. Л. Мейером, встречены были брошенные Коканцами рудные копи.

6. О золоте ходят между Киргизами слухи, что оно встречается в россыпях около Джулека, форта Перовского и на старом течении Сыра. В первом открыт был какой-то металлической песок, признанный за золото. Он был отправлен в Петербург к г. Базилевскому, кроме того, образцы его были представлены по начальству. Жилы этой россыпи усмотрены были гвардейским инженер-капитаном Бажаном, строившим Джулек, и усмотрены во время возведения бруствера и рва на правом фесе укрепления. Дальнейшая судьба вопроса о здешнем золоте нам неизвестна. Из камней на рынки бывшей Сыр-Дарьинской линии привозилось много сердолика, бирюзы, агата и изделий из яшмы.

7. Думаем, впрочем, что сравнивать эту селитру с чилийскою еще рано. См. ту же статью Сафронова, *Северная Пчела* 27-го октября 1859 г

8. Чембар.

9. Здешний тигр редко нападает на человека, на пешего почти никогда, но по конному, когда голоден, делает прыжки, чтобы выбить из седла и овладеть лошадью. Достоин замечания, что он не растерзывает человека, но ограничивает свою месть ударом лапы по руке и почти всегда *левой*. Раз тигр зашел на артиллерийскую карду (ротный двор) в форте Перовском; следом посещения было отнятие левых рук у пяти артиллеристов. Сколько ни видал я бывших в переделке у тигра, у всех были отняты левые руки, и более никаких повреждений.

10. Умер в 1862 г.

11. Была бы жена, да лошадь.

12. Чия — это безлиственное, высокое растение, похожее на стебель ржи или наш тонкий камыш, без сердцевины, сплошное, толщиной раза в два более соломинки; растение довольно крепкое, без побегов, колосится лишь в самом верху; колос его немного напоминает колос ковыля.

13. Вывозятся из Тверской, Нижегородской, частью Тамбовской (Липецк, Козлов, Темянков и Моршанск) и Московской губерний.

14. Эй, эх, господин!

15. У Киргизов, если умрет один брат, другой должен непременно жениться на его вдове, хотя сам был бы женат; если же нет брата, то исполнение этой обязанности падает на ближайшего из родственников. Сын может жениться на женах отца кроме родной матери, но это бывает редко: последние разбираются родственниками или уходят к своим родителям.

16. У шиитов полагается шесть суточных *намазов*.

17. Хлебная водка,

18. Аман — здравствуй, но ближе перевесть: "будь милостив", потому что, прося пощады, употребляют это же самое выражение.

19. Денежной корреспонденции с ними не посылают. Имеющий к отправке деньги вносит их в комендантское управление, которое, взяв письмо, отправляет его по адресу в интендантство отдельного оренбургского корпуса при уведомлении, что деньги внесены; интендантство вкладывает такую же сумму и отправляет письмо. Этот порядок принят и для денежных сношений между живущими в фортах. В приеме денег выдаются квитанции.

20. Бывший порт и крепость на северо-восточном берегу Черного моря; теперь на его месте станица Адогумского конного полка.

Текст воспроизведен по изданию: С Сыр-дарьи // Русский вестник, № 3. 1866